

Его Россия — наша Россия

СТАРУШКА, повязанная белым в горошек платочком, постаралась сесть поудобнее. Она расстелила шаль на бугорке, в тени, откуда была отлично видна импровизированная эстрада, приготовилась слушать. И тут вдруг фотокорреспонденты сгрудились, загроживаюте...

— Да разойдитесь вы! — кричала она. — Людям же загрохиваете...

Там, на невидимой теперь эстраде, Иван Русинов начал читать «Скифов».

Старушка все горячилась. Обида переполняла ее. Но «...Да, скифы мы, да, азиаты мы,

С раскосыми и жадными очами», — плыло над поляной. Какие-то особенные, небывалые, невероятные слова выстраивались в строгое и сильное единство.

Старушка медленно, постепенно переходила в другое состояние души. Она перестала ворчать, черты ее лица разгладились и посветлели. Другие уже боль и горечь, высокие, важные для всех, захватили ее сейчас.

Может, и не вся сложная концепция «Скифов» была ей сейчас ясна. Но завоевало ее, властно захватило и освободило от мелких, сиюминутных забот перво-данное чудо поэзии Блока.

Сюда добирались по-разному. Никто в общем-то не настаивал, не распоряжался, не посылал в обязательном порядке. Даже рекламы настоящей не было. Скромные афиши-извещения: на поляне в Шахматове... в воскресенье... памяти Блока. К половине второго на большой поляне перед холмом стояли, сидели, лежали, спорили и ждали многие сотни людей. А народ все шел и шел.

Павел Антокольский с трибуны увидел неисчислимое количество москвичей и москвичек, жителей окрестных сел, солнечногогорцев, клинчан и калининцев. И старый поэт, растроганный, низко поклонился всем, кто пришел почтить великого Блока.

Павел Григорьевич читал стихи о юности Блока, которая пронеслась безвозвратно — и не исчезла, не потерялась в бездне времен. Хозяин этих мест, к которому мы все собрались, представлял перед нами, как поэт по преимуществу, как олицетворение всего молодого и прекрасного.

Юности вечной,
Пусть быстротечной, —
Слава, слава, хвала!..

разнеслись последние слова стихов.

Мгновенная пауза сменилась взрывом аплодисментов. У микрофона — человек, которого, наверное, знают все и которого каждый в глубине души, пожалуй, считает своим близким знакомым. Как бы увидеть, ощутить живого Блока, неповторимые черты его личности, благородства харак-

тера, жадный интерес ко всему новому, что принесла с собой Революция, помог всем собравшимся Ираклий Андроников. В его пересказе воспоминания писателя Всеволода Иванова приобрили и силу документа, и образность высокой поэзии. Мы вместе с рассказчиком словно очутились в насквозь прокаленном морозом Петрограде девятнадцатого года, увидели задумчивый профиль Александра Александровича, представили, как он в нетопленном классе смотрит в замерзшее окно и читает единственному слушателю лекцию о Сервантесе. Читает четыре часа и потом, подумав, отмечает в ведомости: «История западноевропейских литератур. Один час».

Так докатилась до нас волна из прошлого, и мы увидели, как она пошла дальше, в будущее. На трибуне солнечногогорская молодая учительница из школы имени Блока К. Рогольская.

— Мы учим его стихи. Любим их. И хотим знать о нем как можно больше.

И, как самое дорогое, выношенное:

— Россия Блока — наша Россия.

Эти слова потом звучали неоднократно. Может быть, каждый из выступавших своим путем приходил к ним.

Артист Павел Шальнов читает стихи Марцинкявичуса, в которых двенадцать красногвардейцев дружески обращаются к поэту:

— Нужен нам тринадцатый. Пошли!

Лаборантка Людмила Настасюк говорит о жизненности и необходимости блоковских строк. А Константин Симонов рассказывает, что в Гослитиздате готовится двухтомник «Воспоминаний о Блоке». И как свое, дорогое, большой советский писатель читает отрывки из статей Блока о литературе, о том, что писатель — растение многолетнее, что для него важно не утратить чувства пути.

Да, наверное, у каждого Блок свой.

Вот отрывки из летучих интервью с одним вопросом: что вы больше всего любите у Блока?

— Стихи о России.

— «Двенадцать» и «Скифы».

— «В ресторане» и «Незнакомка».

— Вообще все про любовь.

— О доблести, о подвигах, о славе...

— «И звенели, спадая, запястья,
Громче, чем в моей нищей мечте».

— «О, красный парус в зеленой дали!»

И так далее, и так далее... И свой Блок у каждого из выступающих.

Поэтессу Маргариту Алигер сменяет Людмила Татьяничева, Сергей Васильева чтец Николай Голубенцев. Он рассказывает, что видел Блока «своими

глазами», разговаривал с ним, и ему благодарно аплодируют уже за одно это. А потом он читает стихи, и нам кажется, что они звучат как-то особенно, глуховато, сдержанно, по-блоковски.

Поэтесса Лариса Васильева мечтает, что здесь, в Шахматове, будет дом, такой же, как дом матери Блока, а критик Станислав Лесневский рассказывает, что значили для поэта эти места. Здесь — его родина, его привязанность, его «корень». И вдруг говорит, как мечтал Блок о новой, мощной, индустриальной России.

Евгений Евтушенко читает Блока, а потом свои стихи. Он говорит о том, что даже умирающий поэт не сдался, был мужествен и мятежен.

Да, у каждого свой образ поэта. А здесь все они, кажется, сливаются, перед нами встает объемный, многогранный, живой человек — по словам Горького, «исключительно красивый как поэт и как личность».

Его называли замкнутым, сложным. Он и в самом деле был поэтом тончайшего письма. К. И. Чуковский посвятил целые страницы разбору особой «блоковской сложности», не сходной, скажем, со сложностью Маяковского. И ведь она есть, эта труднодоступность.

Но вот любимым, массовым, несущим для всех и каждого становится такой поэт... Не это ли свидетельство не только широты сегодняшней нашей культуры, но и глубины ее? Не Блок опустился до масс, а массы поднялись до Блока.

Поэзия началась звучащим словом. С гомеровских времен многие века передавалась она из уст в уста. Потом главным средством распространения стиха стала книга. Поэты с площадей перебрались в литературные салоны.

Революция снова позвала их на площади. Ныне на наших глазах становится народной традицией праздники пушкинской поэзии в Михайловском, Некрасовской — на ярославской земле, поэзии Блока — здесь, в Шахматове. Поэтическое слово доходит до миллионов не только со страниц книг, но и по волнам радио, с экранов телевизоров. Или, как здесь, на этой зеленой, солнечной поляне. Прямо от сердца к сердцу. Здесь это слово, рожденное вдохновением гения, воспринимается с особенно пронзительной остротой, ибо и ты ощущаешь себя «этой силы частицей», когда «общие даже слезы из глаз». Твое восприятие поэзии умножается единством чувств и мыслей сотен стоящих рядом людей.

...Блок, говорят, читал стихи тихим голосом, как бы про себя. Сегодня этот тихий голос слышен везде.

А. АРОНОВ,
И. БОРИСОВ.